Истомился еси велми"— ср. в причети (Ю. В. Готье, Этнограф. обозрение, 1897, № 4, стр. 114, запись сделана в Весьегонском у. б. Тверской губ):

И стану я будить тебя тихохонько,
Разговаривать с тобой легохонько,
Не поймешь ли мои речи горькие,
Да не проснешься ли, не пробудишься...

Однако не следует преувеличивать „фольклорность" плача Евдокии. Обилие в нем несомненной книжной риторики заставляет быть осторожным и в выводах из приведенных параллелей. В интимную лирику вдовьего плача здесь вплетено немало риторических восклицаний, эпитетов, сравнений, метафор явно книжного происхождения: „цвете прекрасный", „виноград многоплодный", „сокровище живота моего", „свете мой светлый", „многоценныя багряница", „гора великая"; прием вопрошаний „како ся нареку", восходящий к канону-акафисту. Книжные параллели ко многим из приведенных оборотов находятся в церковной литературе без труда: житийный образ преждевременного увядания цветка символизирует смерть: „цвете прекрасный, что рано увядаеши"— ср. в плаче матери мученика Уара — „любезный цвете, прежде времени сице умилне увядый" (19 окт.); евангельский образ Христа, не имеющего пристанища—„лиси язвины имут, и птицы небесныя гнезда, сын же человеческий не имать где главы подклонити" (Матфея VIII, 20),— напоминает укор Евдокии: „звери земния на ложи свои идуть, а птицы небесныя ко гнездом своим летять, ты же, господине, от своего дому не красно отходиши"; как в житиях плачущие над мучеником просят его вымолить им скорое воссоединение с ним после смерти,— Евдокия умоляет: „Аще бог услышить молитву твою, помолися о мне, княгини твоей: вкупе жих с тобою, вкупе ныне и умру с тобою"; наконец, в чисто книжном стиле выполнено гиперболическое описание горя плачущей Евдокии (это описание у подражателей до XVII в. служило образцом описания горя царских вдов).

К некоторым мотивам плача Евдокии, даже и знакомым народной причети, можно привести довольно близкие параллели и из плача богородицы Симеона Логофета, где так много выражений материнского горя. Приведу примеры сопоставлений двух плачей.

Плач Евдокии	Плач богородицы
мене едину вдовою оставив	мене едину оставляеши
живот мой драгый	живот мой благый
како зайде свет от очию моею	зайде от очию ми, свете очию моею
где отходиши	камо идеши
скровище живота моего	надежда живота
утроба моя[1]	утробу мою
не подаси... сладости души моей	свет мой сладкый, сладкое чадо мое, не услышу сладкаго ти гласа
чему не промолвиши ко мне	но даи же ми слово, не глаголеши ли рабе своей слово божие
солнце мое	солнце незаходяи
свет мой светлый	свет мой сладкый
вкупе ныне и умру с тобою	ныне прийми мя с собою, да сниду и аз во ад с тобою, не остави

[1] В плаче по сыне этот эпитет мотивирован; в плаче по муже он явно заимствован